

Тенденции и особенности отечественного литературного процесса «эпохи застоя» (вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.): современное осмысление

Нина Яковлевна Сипкина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Российская Федерация
655000, Республика Хакасия, г. Абакан, Ленина пр., 90
Кандидат филологических наук
E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции и особенности литературного процесса «эпохи застоя» (вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.). Автором утверждается, что в условиях «застойного торможения» и не прекращающегося идеологического давления и – как результат этого – усугубляющегося противоестественного деления на разные «ветви», вопреки усилиям властей и официоза, в неуклонном противостоянии им – отечественная литература развивалась и достигла немалых успехов в различных её жанрах.

Ключевые слова: тенденции; литературный процесс; «эпоха застоя»; актуальные проблемы; три «ветви» литературы: «официальная», «неофициальная», «зарубежная»; «эстрадная» поэзия; «тихая» лирика.

Введение. Изучение русской литературы второй половины XX века сопряжено с решением целого ряда актуальных проблем. Одна из которых заключается в том, что не в достаточной степени сформулированы объективные данные о литературе исследуемого периода.

Еще одна проблема – огромное количество писателей (тысячи): их невозможно оценить каждого объективно. По словам Ю.И. Минералова, можно только «отметить основные тенденции» современного литературного процесса.

Литературный процесс вт. пол. XX в. отличается ещё одной спецификой: произведения писателей, его сформировавшие, не «на слуху». «Поэтому исследователю по ходу дела нужно основательно знакомить читателя непосредственно с художественным текстом, приводя достаточно обширные его фрагменты и давая изложения сюжета, сопровождаемое необходимым аналитическим комментарием. Только через конкретное знакомство с текстами писателя можно приблизиться к пониманию его стиля, его личного литературного мастерства» [1].

Возникает ещё одна проблема – периодизации литературного процесса вт. пол. XX века. Обычно её подразделяют на следующие периоды: «оттепель» (вт. пол. 1950-х – перв. пол. 1960-х гг.), «эпоха застоя» (вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.), «перестройка» (вт. пол. 1980-х – перв. пол. 1990-х гг.) и «постперестройка» (вт. пол. 1990-х – 2000-е гг.).

По мнению А. П. Казаркина в литературе вт. пол. XX в. «доминирует раскрепощение, освобождение общественной мысли от унификации». В предыдущий период (так называемое «сталинское тридцатилетие» – 1930-е – перв. пол. 1950-х гг.) официально признанная литература и критическая мысль «подчинялась» единственному методу – соцреализму: «Другие направления подавлялись в зародыше. Твердя повсюду о прогрессе, советская критика на деле тормозила его в искусстве. Она утратила представление о национальной классике и подняла на щит художественно-второстепенные сочинения...» [2].

Учёные находят и причину литературных коллизий XX века, в том числе и её второй половины, связанную с мировоззренческими представлениями, миропониманием писателей. Она выражается «в несовместимости марксизма и православия, модернизма и постмодернизма, патриотизма и космополитизма», в противостоянии Запада и Востока в русском культурном сознании. Например, «на Востоке русская публицистика искала созерцательную мудрость. На Западе – блага научного прогресса. Она была исходно обречена на порывы то в одну, то в другую сторону и на разочарования» [2].

Материалы и методы. Основным источником для написания данной статьи стали литературоведческие исследования по истории развития русской литературы вт. пол. XX в. Методологическую основу исследования составили труды известных российских литературоведов, теоретиков литературы, философов (А.Н. Веселовского, В.В. Виноградова, М.Л. Гаспарова, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Ю.И. Минералова, А.А. Потебни,

Л.И. Тимофеева, Ю.Н. Тынянова, Б.В. Томашевского, В.Е. Холшевникова, Б.М. Эйхенбаума и др.). При изучении литературного процесса вт. пол. XX в. основополагающими стали работы А.П. Герасименко, В.А. Зайцева, А.П. Казаркина, Л.П. Кременцова, Ю.И. Минералова, Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого, В.П. Прищепы и др. учёных. Данная работа построена на дедуктивном методе: литературный процесс «эпохи застоя» рассматривается не как совокупность отдельных признаков, но как целостная структура, имеющая ряд взаимообусловленных функций. В работе использованы методы, предполагающие изучение литературного развития вт. пол. XX в. (в частности в период демократических «заморозков») в его социально-историческом развитии: аналитический, культурно-исторический, контекстологический, сравнительно-сопоставительный. Ракурс избранных методов продиктован общей исследовательской задачей и, на наш взгляд, позволит выявить тенденции и особенности литературного процесса вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.

Обсуждение. Известный исследователь литературы Л.Я. Гинзбург отмечала, что к середине XX века наша литература попала «в хвост» всего общественного движения. Прервался исторический художественный опыт, накапливаемый веками, произошёл распад писательских традиций. Наблюдались явления социального заказа и конъюнктурной литературы. Ощущалось значительное влияние социальной атмосферы на нравственные принципы писателей. Литература этого периода стала отличаться бытовым злоупотреблением понятиями «контроля масс», «ударничества», «социалистического соревнования», «технизации» [3], что являлось результатом массового словесного гипноза и той кратковременной, но невероятно сильной универсальности и восприимчивости, которую приобретают выбрасываемые на языковую поверхность лозунговые слова.

А другой учёный наблюдает кризис соцреализма в «эпоху развитого социализма». Созданные во вт. пол. XX в. литературные произведения (Б. Пастернака, А. Ахматовой, В. Астафьева, В. Быкова, В. Распутина, В. Шукшина, Ю. Нагибина, В. Аксёнова, В. Некрасова, С. Довлатов, В. Маканина, Вен. Ерофеева, А. Вампилова, Д. Самойлова, Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, Н. Рубцова, В. Высоцкого, Т. Кибирова, Д. Пригова, Л. Рубинштейна, А. Битова, В. Пелевина и др.) не по «соцреалистическим лекалам» было уже невозможно игнорировать.

Например, альманах «Метрополь» (1979), выпущенный «самиздатовским» способом, в котором были собраны произведения, не вписывавшиеся «в соцреалистическую парадигму», некая «бульдозерная выставка литературы» [4], был не воспринят официальной критикой, а его авторы подверглись «гонениям».

Само время заставило академика Д. Ф. Маркова, придерживающегося официальной идеологии, теоретически «подновить догму» о преимуществах метода соцреализма перед всякими другими методами, которые ранее признавались «ущербными» [5]. Как и следовало ожидать, вскоре, появился «послушный» ряд работ о «типологии социалистического реализма», в которых под рубрикой «течение в направлении соцреализма» зачастую рассматривались уже иные методы литературного творчества, например, романтические, «просветительские», экспрессионистские и т. д. [6, 7, 8]

Официально была утверждена формулировка: «социалистический реализм – открытая система форм правдивого отражения жизни». «Это была теория «социалистического реализма без берегов»... Теперь любое сколько-нибудь талантливое произведение можно было, невзирая на его художественную специфичность, включать в почётный ряд достижений искусства социалистического реализма» [9].

По мнению современных учёных, литература вт. пол. XX в. подтвердила одну из горьких, но в то же время обнадеживающих истин: сильная литература появляется в тревожные времена, когда общество входит в полосу духовного кризиса, когда ощущается несостоятельность прежних представлений о действительности, когда дискредитировали себя прежние символы веры, когда назревает острая потребность в радикальном изменении существующего порядка вещей. «Прорыв из под глыб тоталитарного сознания, который начался в годы «оттепели», расшатывание жёсткой парадигмы соцреализма и поиски иных путей художественного освоения действительности уже не удалось остановить в годы политического застоя и идеологических «заморозков». Более того, в то время, когда опять усилился идеологический гнёт (вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.), именно в искусстве и прежде всего в литературе находила наиболее полную реализацию творческая, раскрепощавшаяся энергия общества» [9].

А публикация произведений М. Булгакова, Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, С. Есенина и др. в 1960-е годы послужила «возвращению» «к так называемому религиозно-философскому ренессансу, к традиции мирового интеллектуального романа, определения значимости интимной лирики, подведения итогов революции (в том числе и научной), поэтому дискуссия о «задержанной» литературе постепенно приобрела огромный размах. Перспективными и длительными оказались дискуссии о национальном образе мира в прозе (В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина) и лирике (Н. Рубцова, В. Соколова, А. Тарковского и др.)» [2].

А.Д. Сахаров в 1977 г. писал: «60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных внутренних и международных преступлений, гибели, страданий, унижения и развращения миллионов людей. Но в ней были также, особенно первые десятилетия, большие надежды, трудовые и нравственные усилия, дух воодушевления и самопожертвования. Сейчас всё это – безобразное и жестокое, трагическое и героическое – ушло под поверхность относительного материального благополучия и массового безразличия. Возникло кастовое, глубоко циничное и, как я считаю, опасное (для себя и всего человечества) больное общество, в котором правят два принципа: «блат» (сленговое словечко, означающее «ты – мне, я – тебе») и житейская квазимудрость, выражающаяся словами – «стену лбом не прошибешь». Но под этой застывшей поверхностью скрывается массовая жестокость, беззаконие, бесправие рядового гражданина перед властями и полная бесконтрольность властей – как по отношению к собственному народу, так и по отношению ко всему миру, что взаимосвязано» [10].

В то время, когда художественная система теории соцреализма «жила своей келейной жизнью» (Лейдерман, Липовецкий), в общественном сознании «застойного» времени, как и во время «оттепели» продолжает появляться понимание того, какую страшную опасность для всего живого на земле представляют иные технические идеи. «Достаточно вспомнить острую дискуссию вокруг проекта о повороте северных рек на юг... Экологические проблемы – Чернобыль, гибель Аральского моря, повсеместное загрязнение окружающей среды – всё настойчивее требовали усиленного внимания» [11].

В литературном процессе вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг., как и в «оттепельный» период, происходит столкновение технократического и гуманистического осознания. В «официальной» литературе «застойной эпохи» предпочтение отдавалось изображению человека в процессе инженерной, технической, производственной деятельности («Соть» (1930) Л. Леонова, «Танкер «Дербент» (1938) Ю. Крымова, «Битва в пути» (1957) Г. Николаевой, «Знакомьтесь, Балувев» (1960) В. Кожевникова, «И это всё о нём» (1974) В. Липатова, «Территория» (1974) О. Кунаева, «Изотопы для Алтунина» (1976) М. Колесникова и т. д.), причём определённой частью критики именно эти произведения объявлялись (вне зависимости от их эстетических достоинств) главными, определяющими лицо текущей литературы. Так называемой «производственной» литературе противостояли книги открыто гуманистической тенденции, признавшие высшей ценностью не общественную жизнь человека, а богатство его внутреннего мира, благородство устремлений и поступков (произведения Ю. Трифонова, В. Тендрякова, Ч. Айтматова, поэзия «шестидесятников», «тихая» лирика и др.).

Л.П. Кременцов так же считает, что если процессы стагнации, поразившие политику и экономику вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг., словесность, исключая наиболее консервативную ветвь социалистического реализма, не затронули. Современная словесность представлена множеством талантливых писателей, поэтов, драматургов, создавших немало произведений, которым уготована долгая жизнь в искусстве. «По богатству творческих индивидуальностей, широте тематического репертуара, разнообразию художественных приёмов литература этого времени сопоставима разве, что с литературой начала XX века или 1920-х годов. И при том, что внешние условия мало изменились к лучшему» [11].

По словам Д.С. Лихачева, литературные течения второй половины XX века носят быстротечный характер, появляются и исчезают в зависимости от той или иной ситуации (литературной, общественной, политической и др.) [12].

Данную тенденцию можно проследить на примере «эстрадной» поэзии второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. «Эстрадная» поэзия в данном случае выступает определённым показателем эволюции литературы в жанровых изменениях и

общественного интереса к подобному виду литературного искусства, возникшего стихийно и стихийно ушедшего после изменившихся общественных условий.

Ю.Н. Тынянов писал о традициях и влияниях в литературе, отмечая, что каждая эпоха выбирает из прошлой культуры то, что именно для неё ценно и насущно (например, в случае с «эстрадной» поэзией – громко огласить свои мысли, суждения, чувства после долгого молчания), при этом сфера преемственности со временем меняется; влияние может совершаться тогда и в таком направлении, в каком имеются для этого литературные условия (например, появление «тихой» лирики вт. пол. 1960-х гг., как «приемственницы» определённой части поэзии Серебряного века, конкретнее – лирики С. Есенина) [13].

Литературный процесс вт. пол. XX в. с самого начала обозначил свою нетрадиционность, непохожесть на предшествующие этапы развития художественного слова. По мнению Л.П. Кременцова данный литературный процесс «в своём прежнем виде – цепочки направлений-течений, следующих друг за другом: классицизм – сентиментализм – романтизм – реализм – символизм и т.д., – более не существует. И постмодернизм, к примеру, – это не очередное литературное направление, пришедшее на смену где экзистенциализму, где социалистическому реализму, а особый тип творческого эстетического сознания, продукт которого – художественный текст – обладает рядом специфических черт. Причём эти черты выявляются не только в литературе, но и в других видах искусства, в философии, т. е. в культуре в целом» [11].

Развитие литературы «эпохи застоя» (вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.) обычно подразделяют на три «ветви»: «официальную», «неофициальную» и «зарубежную». Такое деление обосновывается изменившимися общественно-политическими условиями. Начинается «закручивание гаек» демократии. Люди так и не увидели «социализма с человеческим лицом», пришёл к власти «социализм-чудовище» в «родину страха» (Р. Рождественский) [14].

Учёные утверждают, что «по аналогии с обозначением государственного издательства «с затуманенным названием «Гослитиздат» (А. Солженицын) возникли и получили хождение термины «свободной печати» – «самиздат» и «тамиздат», а в связи с широчайшим распространением в 1960-е годы, а затем и в последующее десятилетие магнитофонных записей авторских песен Булата Окуджавы, Александра Галича, Владимира Высоцкого и произведений рок-поэзии (Борис Гребенщиков и др.), – «магнитиздат». Продолжение свободных выступлений, не контролируемых цензурой, поэтов-шестидесятников и представителей авторской песни (Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, В. Высоцкий) которые, по-прежнему, собирали огромные аудитории слушателей у нас в стране и за рубежом, привело к образованию – «свободовыступ» (Сипкина).

Перепечатывались на машинках, переписывались от руки по частям и главам «опальные»: «Раковый корпус» А. Солженицына, «Остров Крым» В. Аксёнова, изданные на Западе сочинений О. Мандельштама с предисловием Г. П. Струве, ксерокопированная книга Галича «Когда я вернусь» (Frankfurt am. M., 1981) и др., распространялись между доверенными людьми и «проглатывались» ночами. «Самиздатовские» произведения включали и оригинальные издания журналов и альманахов – от «Синтаксиса», выходившего в 1959–1960 гг. под редакцией А. Гинзбурга, до составленного В. Аксёновым, А. Битовым и др. «Метрополия» (1979)» [15].

В 1962 г. был отпечатан машинописный сборник «Волны и скалы» в литобъединении «Нарвская застава», в который вошли «стихи без купюр» Николая Рубцова, Глеба Горбовского, Константина Кузьминского, Эдуарда Шнейдермана и др.

Тонкий «ручеек» запрещённой литературы «просачивался» через таможи на государственных границах. Б.Ш. Окуджава вспоминал: «В конце шестидесятых годов... начали выезжать за границу, привозили оттуда какие-то запретные журналы, книжки, читали. Потом между собой распространяли все эти сведения...» [16].

Острые споры в кругу литературоведов вызвала художественная тенденция, получившая название «тихая лирика». По мнению ряда учёных, она возникает на литературной сцене во 2 п. 1960-х гг. как противовес «громкой» («эстрадной») поэзии «шестидесятников». В этом смысле данная тенденция прямо связана с кризисом «оттепели», который становится очевидным после 1964 г. (снятие Н.С. Хрущева со всех руководящих постов, и приход к власти Л.И. Брежнева, который и привёл к наступлению

«эпохи застоя»). «Тихая» лирика представлена такими поэтами, как Н. Рубцов, В. Соколов, А. Жигулин, А. Просолов, С. Куняев, Н. Тряпкин, А. Передреев, С. Дрофенко и др., которых сближает, прежде всего, ориентация на определённую систему нравственных и эстетических координат.

Учёные противопоставили «публицистичность» стиха «шестидесятников» (Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и др.), их элегичность, мечту о социальных обновлениях – идее возвращения к истокам народной культуры, нравственно-религиозного (традиционная эмблематика Руси, легендарные и былинные образы, церковные христианские атрибуты, которые соединяли фольклорную песню, поэзию Тютчева, Фета, Полонского, Блока, Есенина. От Н. Клюева, С. Клычкова («новокрестьянские поэты») «тихая» лирика приняла религиозный культ природы, изображение крестьянской избы как модели мира, полемическое отталкивание от городской культуры, живой интерес к сказочному, легендарному, фольклорному пласту культуры и т. п.) возрождения представителей «тихой» лирики. «Экспериментам в области поэтики, эффектным риторическим жестам они предпочли подчёркнуто «простой» и традиционный стих» [9]. По мнению учёных, такую метаморфозу поэзии вызвало разочарование в надеждах, пробуждённых «оттепелью». «Тихая» лирика, «окрасившись» в пафос консерватизма, вынесла за скобки такую важнейшую для «оттепели» категорию, как категория свободы, заменив её куда более «уравновешенной категорией традиции», соответствующей «эпохе застоя», предпочтя её «революционному романтизму» «шестидесятников», их социальным конфликтам. Но с другой стороны, представители «тихой» лирики под традициями «понимали отнюдь не революционные традиции, а, наоборот, разрушенные социалистической революцией моральные и религиозные традиции русского народа» [9].

По мнению других учёных: «Общий поэтический стиль определяется как стиль экспрессивный, как стиль обнажения слов, красок, чувств, как стиль выкладывания вовне, как стиль-крик, а с другой стороны – поразительное ощущение округлости, завершённости мира. Никаких углов, никаких воплей. Созерцание и тишина, словно очерченная плывущим звоном колоколов» [17].

Таким образом, и «эстрадная», и «тихая» поэзия – явление взаимообусловленное и неотделимое друг от друга.

В данный период возник андеграунд, в котором современные учёные отмечают преемственность поэтов-«обэриутов» 1920-х годов (Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, К. Вагинов, Ю. Владимиров, И. Бахтерев, Д. Левин).

Можно выделить некоторые тематические проблемы, которые раскрывали в своих произведениях писатели в «застойный» период: 1) проза и поэзия о войне (у Виктора Астафьева, Василя Быкова, Давида Самойлова, Роберта Рождественского и др.); 2) глобальные экологические проблемы («Царь-рыба» В. Астафьева, «Прощание с Матёрой» В. Распутина, «экологические» стихи поэтов-«шестидесятников»); 3) городские проза и поэзия (в «Московских повестях» Юрия Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», в рассказах Юрия Нагибина, Георгия Семёнова и др.; «Голос города» Роберта Рождественского, «Городские стихи» Владимира Соколова, ленинградская группа поэтов «Горожане» и т.п.); 4) исторические повести и романы (в творчестве Леонида Бородина, Юрия Давыдова, Булата Окуджавы, Василия Шукшина); 5) проза «сорокалетних» (Владимир Маканин, Руслан Киреев, Анатолий Ким, Владимир Крупин и др.); 6) расцвет романа «внутреннего монолога» литовских писателей (М. Служкис, А. Беляускас, Й. Микелинскас); 7) рождение «иронической прозы» (эстонские писатели Энн Ветемаа, Арво Валтон, Лили Промет); 8) философский эпос в Грузии (О. Чиладзе, Н. Думбанзе, Ч. Амирэджиби) и др.

Неофициальный литературный процесс был представлен прозой и поэзией постмодернизма (роман Андрея Битова «Пушкинский дом», поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», поэзия андеграунда – Т. Кибиров, Д. Пригов, И. Кабаков, Вс. Некрасов, Л. Рубинштейн, Ф. Инфантэ, В. Сорокин и др.), которые будут опубликованы только в «перестроечное время» (вт. пол. 1980-х – перв. пол. 1990-х гг.).

Отечественными литературоведами отмечается, что непохожесть литературного процесса вт. пол. XX в. на предшествующие периоды заключается не только во внешних обстоятельствах его развития. Определяющим фактором становится не привычная смена

литературных направлений, течений, школ и т. п., а эволюция творческого сознания художника. Последнее литературное направление – соцреализм – в эти годы (эпоха «перестройки») начинает прекращать своё существование, и в дело вступают иные подходы и оценки. В современном литературоведении становится неактуальным «сколачивать» писателей в группы: соцреалисты, концептуалисты, постмодернисты и т. п. Так, например, произведения постмодернистов А. Битова («Пушкинский дом» (1978), «Воскресный день» (1980), «Грузинский альбом» (1985), «Улетающий Монахов» (1990) и др.) и В. Пелевина (романы: «Омон Ра» (1992), «Жизнь насекомых» (1993), «Чапаев и Пустота» (1996); повести: «Затворник и Шестипалый» (1990), «Принц Госплан» (1991) и др.) различаются между собой в большей степени, а признаки сходства у них совсем минимальные.

Е. Евтушенко по этому поводу размышляет: «У Вознесенского есть такая метафора, в какой-то степени правильная, хотя и не абсолютно точная. Он говорил, что шестидесятники похожи на совершенно разных людей, которые шли разными дорогами, и вот их схватили разбойники и привязали одними и теми же верёвками к одному и тому же дереву» [18].

По мнению В.А. Зайцева в «эпоху застоя», как и в «эпоху оттепели», с одной стороны, в официальной, печатавшейся литературе продолжал функционировать «социалистический реализм». Самые «худшие традиции» литературы 1940–1950-х гг. («Кавалер Золотой Звезды», «Сталь и шлак» и т.п.) продолжила так называемая «секретарская» литература. Пользуясь своим служебным положением, секретари СП – Г. Марков, А. Чаковский, В. Кожевников и др. – буквально наводнили книжный рынок своими объёмистыми сочинениями, большинство из которых находилось за рамками искусства и служило исключительно целям партийной пропаганды. Появились книги партийных руководителей, например, мемуары из трёх книг «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина», автором которых считается Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Фактически же на основе архивных материалов книги были написаны группой профессиональных журналистов, один из которых – А. Сахнин. В книге Р.И. Рождественского «Удостоверение личности» (2007) приводятся воспоминания А. Сахнина об этом эпизоде из его жизни: «...я рассказал ему (Р.И. Рождественскому) о большой и ответственной работе, которая мне предстояла – подготовить мемуары Брежнева о Малой земле» [18]. За эту трилогию Л.И. Брежнев в апреле 1980 года был удостоен Ленинской премии по литературе.

«Деревенская», «городская», «военная» и др. проза, своего рода «критический» реализм 2 пол. XX в., которую можно в чём-то сопоставить с русской литературой 2 пол. XIX в. (И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов и др.), нашла свою реализацию в произведениях В. Быкова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Распутина, В. Астафьева, В. Тендрякова, В. Шукшина и др.

Определённую нишу в литературном процессе (вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.) заняли поэты-шестидесятники, которые в своих произведениях пытались «достучаться» до сознания соотечественников о «нависшей угрозе уничтожения всего того, что так дорого каждому земному человеку» (Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, и др.).

С другой стороны, в андеграунде всё настойчивее и чаще стали звучать слова – «соц-арт», «поп-арт», «концептуализм» в произведениях представителей Лианозовской школы (Г. Сапгир, Е.Л. и Л.Е. Кропивницкие, И. Холин и др.). В рамках неоавангардизма заявил о себе СМОГ (Самое молодое общество гениев, или Смелость – Мысль – Образ – Глубина) – В. Алейников, Л. Губанов, Ю. Кублановский, Саша Соколов. «Появились и первые произведения, не укладывавшиеся в привычные представления о художественной литературе. Находясь в заключении, Андрей Синявский (Абрам Терц) написал свои знаменитые «Прогулки с Пушкиным». На рубеже 1960–1970-х гг. создали оригинальные книги ранее малоизвестные Вен. Ерофеев и А. Битов» [9].

Надо отметить, что в литературах Запада, свободных от тоталитарного давления, новые нереалистические тенденции проявились гораздо раньше (пьесы Э. Ионеско, «Улисс» Д. Джойса, романы Ф. Кафки и др.). Появились фундаментальные труды в литературоведении (Р. Барт, У. Эко, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.). К ним присоединилась «зарубежная» часть отечественного литературного процесса, пополнившаяся писателями-диссидентами. «С конца 1960-х годов и на протяжении последующего 15-летия не прекращались и всё усиливались гонения на писателей. В 1974 г. из страны был выслан Александр Солженицын. В том же году был вынужден покинуть родину Александр Галич, двумя годами раньше Иосиф Бродский и Виктор Некрасов. Таким образом, с начала 1970-х и

до середины 1980-х годов страну покинули (чаще всего не по своей вине, а под давлением властей) многие видные писатели, в числе которых Василий Аксёнов, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Сергей Довлатов, Наум Коржавин, Андрей Синявский и др.» [15]

Литература вт. пол. XX в. характеризуется развитием жанра публицистики, который выразился в бурных дискуссиях о путях дальнейшего становления отечественной словесности.

Одна из дискуссий развернулась вокруг проблемы единения или разъединения русской литературы на ветви: «здесьней» и «тамошней», «зарубежной» и «отечественной», «советской» и «антисоветской» и т.д. По мнению В.А. Зайцева, «одним из самых сложных вопросов при рассмотрении общерусского литературного развития остаётся конкретный анализ художественно-эстетических и творческих связей и взаимодействий, притяжений и отталкиваний в рамках одной литературы – «там» и «тут», – т.е. то, что особенно нуждается в пристальном научном исследовании, в выявлении конкретных взаимосвязей в ходе литературного процесса» [15].

«Зарубежные», русские писатели развернули дискуссии о развитии русской литературы. В. Аксёнов, С. Довлатов, В. Некрасов, А. Синявский и др. на проходящей в мае 1981 г. в университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе научной конференции «Русская литература в эмиграции: Третья волна», рассматривали проблему, в которой озвучивался волнующий вопрос: «Едина ли русская литература?» Расходясь в своей аргументации, участники конференции были единодушны в понимании самой сути проблемы «раздробления» отечественного литературного процесса: «Литературный процесс разнороден, литература же едина» (С. Довлатов); «...о двух литературах или об одной. Для меня вопрос ясный – конечно же, одна, но немыслимо сложная» (В. Некрасов) [15].

В дискуссиях «эпохи застоя» о значении отечественной критики, которая является неотъемлемой частью литературного процесса, доминировали две позиции: «критика как наука» и «критика как литература» [2]. На Втором съезде писателей (март 1965 г.) А. Сурков, М. Алигер, С. Антонов и другие писатели, требуя научного оснащения критики, хотели покончить с представлением о ней как об иллюстраторе идеологии. В 1960–1970-е гг. появились издательские серии «Писатели о писателях», «О времени и о себе», «Писатели о творчестве» и др., в которых печатали статьи Ф. Абрамов, Ю. Нагибин, В. Астафьев, В. Шукшин, Ю. Трифонов, В. Белов. Ч. Айтматов и др.

Литературоведы Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий отмечают правозащитный пафос публицистики «застойного периода» и выделяют следующие жанры: открытое письмо (чаще всего коллективное), последнее слово на суде, выступление общественного защитника, стенографический отчёт с судебного заседания. Эти тексты, тайно распространяемые по всей стране, стали началом так называемого «самиздата». В дальнейшем возник самиздатовский журнал «Хроника текущих событий», в котором печатались материалы о нарушениях прав человека в СССР. Первый выпуск «Хроники текущих событий» появился 30 апреля 1968 г, а к концу 1983 г. на Западе было опубликовано 64 выпуска [19]. В разные годы «ХТС» редактировали С. Ковалёв, А. Якобсон, И. Габай. Каждый номер журнала представлял собой тетрадку из 10–15 стр., отпечатанных на пишущей машинке. Только факты, только информация – о новых судебных процессах, обысках, арестах, увольнениях с работы, принудительных госпитализациях, условиях содержания заключённых. Власти скоро почувствовали особую опасность, исходящую из «Хроники», факты надо было или опровергать, либо признавать. «Вместе с тем, как вспоминает, С.А. Ковалёв, издание «Хроники» было сопряжено с особым типом ответственности: малейшая неточность в информации давала повод суду для обвинения в клевете. Сам Ковалёв получил 7 лет лагерей плюс 3 года ссылки фактически на том основании, что из 2800 эпизодов, о которых сообщалось в семи номерах «Хроники», где он был редактором, следствию удалось опровергнуть только два эпизода» [9].

Среди учёных и литераторов возникают дискуссии о путях развития нашей страны из надвигающегося политического и экономического кризиса. Центральное место в этой дискуссии заняли две концепции. Первая концепция конвергенции, которую отстаивал академик А.Д. Сахаров в трактате «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968). Впоследствии он кратко определил суть идеи конвергенции следующим образом: «Процесс плюралистического изменения капиталистического и социалистического общества... непосредственная цель – создать

систему эффективную (что означает рынок и конкуренцию) и социально справедливую, экологически ответственную» [20]. Другая концепция была выдвинута А.И. Солженицыным в цикле статей («На возврате дыхания и сознания». «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Образованщина»). Полемизуя с Сахаровым, Солженицын выдвигает в качестве центрального понятия «живучесть национального духа» и выход из исторического тупика видит в возвращении страны к тем нормам жизни, которые, по его мнению, испокон веку определяли своеобразие русской национальной жизни (авторитарные формы правления, приоритет духовного начала над материальным, религиозность).

Трактат Сахарова и статьи Солженицына заняли центральное место в сборнике «Изпод глыб» (1974), который вышел нелегально в самиздате. С сахаровской идеей конвергенции перекликаются, опубликованные в газете «Правда» (1973) рассуждения академика П.Л. Капицы о глобальных проблемах (энергетической, экологической, сырьевой), решение которых возможно только усилиями всего мирового сообщества [21].

Пафосом единения всего рода людского проникнуты были статьи астрофизика И.С. Шкловского «О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной» [22].

Приоритет традиционно-национальных ориентиров утверждал Л. Леонов в «Раздумьях у старого камня» (1968) он писал о необходимости уважения к старине, едва ли не впервые после долгих лет запретов напомнил об этическом содержании идеи Бога. С ним полемизировал критик В. Чалмаев [23].

В «эпоху застоя» публицистическая мысль, которая стремилась найти легальные пути к своему читателю, «облачилась в театральные одежды» (Зайцев В.А.). Родилось целое явление так называемая «производственная драма» (А. Гельман «Протокол одного заседания», И. Дворецкий «Человек со стороны» Г. Бокарев «Сталевары»). Авторы «производственных пьес», независимо друг от друга, вскрыли новое драматическое противоречие: они обнаружили, что сложившиеся в социалистическом производстве (хозяйстве в целом) правила, критерии, нормы, традиции вступили в острейшее противоречие с нравственными законами, с правдой, достоинством человека. Набирала силу собственно «интеллектуальная» драма (Г. Горин, Э. Радзинский, Ю. Эдлис). В это время активизировалась политическая драма, которая, как и производственная, всегда тяготела к открытой публицистичности и острой конфликтности (М. Шатрова «Синие кони на красной траве («Революционный этюд» (1977) и «Так победим!» (1981)). Развивалась социально-бытовая и социально-психологическая драма (А. Вампилов, А. Володин, Л. Зорин, М. Рошин, А. Арбузов, В. Розов и др.).

Заключение. Таким образом, литературный процесс вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг. представляет собой относительно целостный историко-литературный период, в котором в отличие от эпохи «оттепели», проза («лирическая», «молодёжная», «лагерная», «лейтенантская», «деревенская» и др.), начавшая своё развитие во время «хрущёвской эпохи», стала выходить на «передовые позиции». Поэты-шестидесятники (Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава и др.) вступили в свой творческий рассвет. В эти годы ими были написаны их «главные строки». Появляется и «тихая» лирика (Н. Рубцов, В. Соколов, А. Жигулин, А. Просолов, С. Куняев, Н. Тряпкин, А. Передерев, С. Дрофенко и др.), возродившая традиции «лирики родной природы» С. Есенина. Появляется андеграунд (Т. Кибиров, Д. Пригов, Г. Сапгир, С. Соколов, Ю. Кублановский и др.), произведения которого будут опубликованы в «перестроечный период» (вт. пол. 1980-х – перв. пол. 1990-х гг.). В эпоху «застойного торможения» художественная литература возвращает себе исследовательский пафос. В прозе и поэзии «метрополии» и «зарубежья» активно работали Фёдор Абрамов и Виктор Астафьев, Валентин Распутин и Юрий Трифонов, Сергей Довлатов и Александр Солженицын, Давид Самойлов и Арсений Тарковский, Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина и Александр Галич, Иосиф Бродский, Наум Коржавин, и многие другие.

Публицистика «эпохи застоя», переживая «публицистический взрыв» (А.П. Казаркин), вместе с драмой и наряду с прозой и поэзией, пытается понять процесс неуклонного нравственного разрушения общества, девальвацию вечных моральных ценностей, ответить на вопрос, чем живёт душа современного человека, как влияет на неё двойная мораль «застойного» времени.

Но именно в эти нелёгкие времена в литературном процессе складывались и вызревали новые плодотворные тенденции, которые отчётливо проявятся и получат

развитие в условиях существенных перемен общественной жизни и всей социокультурной ситуации во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

Примечания:

1. Минералов Ю.И. История русской литературы: 90-е годы XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВООДОС, 2002.
2. Казаркин А.П. Русская литературная критика XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
3. Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л.: Сов. писатель, 1989.
4. Ерофеев Вик. Десять лет спустя // Метрополь: Литературный альманах / Сост. В. Аксёнов, А. Битов, В. Ерофеев, Ф. Искандер, Е. Попов. М., 1991.
5. Марков Д.Ф. Социалистический реализм – новая эстетическая система // Вопросы литературы. 1975. № 2.
6. Егоров Л.П. Проблемы типологии социалистического реализма. Ставрополь, 1971; Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. М., 1971.
7. Комина Р.В. Современная советская литература: Художественные тенденции и стилевое многообразие. М., 1984.
8. Эльяшевич А.П. Единство цели – многообразие поисков: о стилевых течениях в советской литературе. Л., 1980.
9. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX века: 1950–1990-е годы: в 2 т.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т. 2 1968–1990 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
10. <http://www.rg.ru/2006/05/19/saharov.html> (Дата обращения 10.07. 2014 г.).
11. Русская литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 2 т. Т.2: 1940–1990-е годы / Л.П. Кременцов, Л.Ф. Алексеева, Н.М. Малыгина и др.: Под ред. Л.П. Кременцова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
12. Лихачев Д.С. Прошлое-будущее. М., 1979.
13. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. [Текст] / Ю.Н. Тынянов. М., 1977.
14. Рождественский Р.И. Собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе. М.: Эксмо, 2014.
15. Зайцев В.А. История русской литературы второй половины XX века: учеб. пособие / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
16. Окуджава Б. Мы были жертвами своего времени / Рождественский Р.И. Удостоверение личности. М.: Эксмо, 2007.
17. Прищепа В.П. Он пришёл в XXI век: Творческий путь Евгения Евтушенко. Иркутск: Издательство: «Принт Лайн», 2009. (В соавторстве с В. В. Коминым).
18. Рождественский Р.И. Удостоверение личности. М.: Эксмо, 2007.
19. Алексеев Л. История инакомыслия в СССР // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, Ю. Вахтин, Н. Ордынский. Минск; М., 1988.
20. Сахаров А.Д. Горький. Москва, далее везде // Знамя. 1991. № 10.
21. Капица П. Л. Дом наш планета Земля // Наука и современное общество. М., 1998.
22. Шкловский И. С. О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной // Вопросы философии. 1976. № 9.
23. Чалмаев В. Великие искания // Молодая гвардия. 1968. № 3; Его же Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9.

UDC 82.09

**Trends and Features of Russian Literary Process of the ‘Stagnation Era’
(the second half of 1960s – the first half of 1980s): Modern interpretation**

Nina Y. Sipkina

Khakassia State University named by N.F. Katanov, Russian Federation
655000, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin Ave, 90

PhD (Philology), Associate.
Email: sipkina.nina@yandex.ru

Abstract. The article considers trends and features of the literary process of the 'stagnation era' (the second half of 1960s – the first half of 1980s). The author affirms that the Russian literature of different genres, despite the government efforts and official organs, in terms of constant antagonism, developed rapidly and achieved great success in the conditions of the 'stagnation slowdown' and constant ideological oppression and, as a result, worsening unnatural division into different 'branches'.

Keywords: trends; literary process; 'Stagnation Era'; topical problems; three 'branches' of literature; 'official'; 'unofficial'; 'foreign'; 'variety' poetry; 'quiet' lyric poetry.